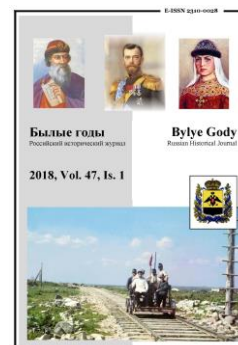

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 47. Is. 1. pp. 172-182. 2018
 DOI: 10.13187/bg.2018.1.172
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the development of the slave trade and slavery as a social institution in the Central Asian outskirts of the Russian Empire on the basis of legislative and memoir sources. It was possible to find out that the cause of slavery in the region was the objective processes of interaction between settled agricultural and nomadic tribes. Regular contacts between them took a variety of forms, including, armed clashes and mutual raids. The capture of prisoners became the basis for the formation of a social category of slaves. In the XVIII century the capture of prisoners acquired new social motives and turned into a stable source of income associated with the possibility of selling them. Two stable sales markets for slaves – Western Siberia, the Khiva Khanate and the Bukhara Emirate – stimulated this process. At the beginning of the XIX century Russia's position on the issue of slavery adopted prohibitive motives. However, the sales of slaves invariably grew at the expense of increasing the scale of trade with Russian prisoners. Taken by Russia in the 40–60's of XIX century a number of diplomatic and military-strategic measures in the Central Asian possessions facilitated the cessation of abductions of Russian citizens. Nevertheless, until the 70's of XIX century the demand for slaves continued to be preserved in Khiva and Bukhara, and the main suppliers of the "goods" were Turkmen tribes who persecuted the Persians (Iranians). The establishment of a Russian protectorate over the Central Asian possessions – Khiva Khanate and the Bukhara Emirate – led to the final eradication of this social evil.

Keywords: slavery, slave trade, slave, Russian empire, Bukhara emirate, Khiva khanate, Kazakhs, Turkmen.

1. Введение

В Центральной Азии, до включения ее территорий в сферу влияния российских интересов, господствовали традиционные социально-экономические отношения, глубокая патриархальность и осталось от времени всех основных форм жизнедеятельности. Периферийная отдаленность и замкнутость огромных пространств региона, отсутствие выхода к морям и океанам в течение многих веков исключали возможность его контактов с европейской цивилизацией, ориентировали экономику на внутренний рынок, собственное производство и потребление. Социальные нормы традиционного общества регламентировались нормами адата или шариата, которые препятствовали широкой социальной мобильности населения. Политическая система государств Центральной Азии – Младшего, Среднего, Старшего жузов, Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата – отражала черты восточной деспотии.

Цивилизационное своеобразие центральноазиатского региона обусловило появление целого ряда локальных социальных явлений, вызванных запросами традиционного общества и принявших масштабный характер и устойчивость на протяжении значительных временных промежутков. Одним из таких социальных явлений стал институт рабства.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

2. Материалы и методы

Методологической основой статьи выступает теория локальных цивилизаций, в рамках которой возникновение и развитие государственных образований центрально-азиатского региона рассматривается как локальный исторический процесс, определивший особенности их политического, экономического и культурного развития, специфические формы социальных связей и институтов, в том числе рабства. Историко-генетический метод применялся при выявлении причин возникновения социального института рабства в Центральной Азии; историко-сравнительный метод – для сравнительного анализа тенденций работорговли в отдельных регионах Российской империи.

Статья подготовлена на основе комплексного анализа опубликованных источников, содержащих информацию по различным аспектам истории рабства в центрально-азиатских окраинах Российской империи. К их числу относятся законодательные акты, отложившиеся в Полном собрании законов Российской империи и отражающие эволюцию позиций государства по вопросам развития рабства и борьбы с ним в исследуемом регионе. Основной массив информации, позволивший реконструировать источники, масштабы рабства в центрально-азиатских окраинах Российской империи, сферу применения невольничьего труда и механизмы трансформации социального статуса рабов в традиционных обществах региона, выявлен в источниках мемуарного жанра – воспоминаниях, заметках и описаниях путешественников, исследователей XVIII–XIX вв., а также в научном наследии чиновников Оренбургской, Западно-Сибирской администраций, носящего как историографический, так и источниковедческий характер.

3. Обсуждение

Тема торговли людьми и рабства в центральноазиатских окраинах Российской империи являлась достаточно популярной в дореволюционной научной и периодической литературе (Мейендорф, 1975; Вамбери, 1865; Муравьев, 1822). Большинство авторов рассматривали данную проблему с позиций европоцентризма и считали работорговлю и рабство в «центрально-азиатском варианте» социальным злом, требующим скорейших усилий со стороны России для его пресечения. Именно поэтому публикации данной направленности носили крайне эмоциональный характер, в них описывались тяжелейшие условия содержания чаще русских невольников в плену, варварское к ним отношение. Работы такого плана, как правило, были лишены научности, в них не предпринимались попытки комплексного анализа ситуации, ее причин, масштабов торговли людьми, сферы применения рабского труда. По мнению большинства авторов данного направления, обоснованным и оправданным являлось стремительное продвижение Российской империи в центрально-азиатском направлении на протяжении всего XIX в., расширение ее территорий за счет поглощения государств региона, поскольку только ее пришествие могло искоренить здесь данное социальное зло. Лишь в отдельных исследованиях крупнейших востоковедов XIX в. проблема работорговли и рабства в земледельческих обществах центрально-азиатского региона России рассматривалась с позиции сопоставления с классическим античным рабством (Добромыслов, 1901; Григорьев, 1874). Высказывались идеи о том, что отсутствие института частной собственности на землю на Востоке, а вместе с ним и возможности получения прибавочного продукта за счет расширения аграрного производства, исключали возможность формирования рабовладения в классической – античной форме. Аналогичные идеи находили выражение и в отношении кочевых сообществ центральноазиатского региона. «Скотоводческий быт, – как подчеркивал И.И. Крафт, – требовал очень мало затраты труда, выполнение которого распределялось между членами семьи, а потому в рабах, как особой рабочей силе, не было надобности» (Крафт, 1900: 95).

В советской историографии проблема рабства в Центральной Азии рассматривалась в рамках формационного дискурса (Бекмаханов, 1947: 104). Исследователям неизбежно приходилось сталкиваться с одной и той же проблемой: не смотря на очевидные особенности культурно-цивилизационного развития традиционного центральноазиатского общества, они были вынуждены искать в нем, применительно к исследуемому периоду, черты феодального строя или его различные вариации, например, в рамках «азиатского способа производства». Это, безусловно, исключало возможность объективной оценки многих специфических социальных институтов восточного общества, в том числе работорговли и рабства.

В современной историографии проблема работорговли и рабства рассматривается в цивилизационном формате и изучается в границах отдельных историко-культурных регионов Российской империи – Сибири, Кавказа (Ivantsov et al., 2017; Мальцев, 2007). При этом исследователи реконструируют реальность функционирования института рабовладения и крепостничества, воссоздают картины положения различных групп зависимых категорий, сферы применения их труда. Новым направлением исследований в рамках данной тематики следует считать политику региональных органов власти в отношении бежавших в Россию рабов-выходцев с Кавказа и анализ процессов их адаптации на новом месте жительства (Ivantsov et al., 2017); проведение сравнительных характеристик рабства в Черкесии и на территории рабовладельческого Юга в США в 1850–1860-е гг. в контексте борьбы с работорговлей и рабством в мире (Smigel, Cherkasov, 2016). В тоже время проблема рабства в центрально-азиатских окраинах Российской империи XVII–XIX в. является исследовательской лакуной. Представленная статья являет собой попытку восполнить данный пробел.

4. Результаты

Возникновение рабства в Центральной Азии как социального явления было связано с особенностями взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций. Одним из важнейших способов адаптации кочевников к окружающему внешнему миру, по мнению большинства исследователей, было «насильственное изъятие необходимых для них продуктов земледелия и ремесла из соседних оседлоземледельческих обществ» (Крафт, 1900: 95). Разнообразные формы внешней эксплуатации (периодические взаимные набеги, регулярный грабеж, война и взимание контрибуции, навязываемый вассалитет, данничество, непосредственное завоевание с последующим установлением «суперстратификации») были широко распространены у народов центрально-азиатского региона в древности, средневековье и в меньшей степени в новое время. Следствием данных процессов стало формирование устойчивого источника рабства – захват и порабощение людей во время военных набегов и социальной категории зависимых – рабов.

Так, в XVI–XVII в. в патриархально-родовом обществе казахов появление социальной группы рабов – кулов было связано с многочисленными войнами степной аристократии – ханов и султанов за ресурсы, прежде всего степные угодья, с ближайшим этническим окружением – калмыками, джунгарами, башкирами. Патриархальное рабство было зафиксировано в обычном праве казахов – адате, согласно нормам которого рабы могли быть переданы по наследству, проданы или отданы в уплату калыма за невесту. Их труд использовался, в основном, в домашнем хозяйстве, в меньшей мере для пастбы скота. Рабы могли быть отпущены на волю по желанию их владельца, заплатив за выкуп определенную сумму денег в имущественном или денежном эквиваленте. Кроме этого, дети, рожденные от брака свободного казаха с рабыней, получали статус свободных рядовых общинников (Юридические обычаи..., 1876: 457).

Рабство, как известно, допускалось исламом, права и обязанности рабовладельца и раба подробно регламентировались в Коране. Рабство называлось временным состоянием свободного человека, при котором он утрачивал свободу и имущество, переходящие его хозяину. Последний автоматически обретал обязанности по его достойному содержанию, нес ответственность за совершенные им действия, при этом не получая права распоряжаться его жизнью. Раб мог получить свободу по воле хозяина, что считалось богоугодным делом для последнего, быть выкупленным на волю другими или внести выкуп самостоятельно по договоренности с хозяином. Раб мог иметь семью, при этом хозяин не мог расторгнуть такой брак или воспрепятствовать его расторжению. Брак хозяина с рабыней допускался, при этом дети от такого брака были свободными и полноправными наследниками, а мать-рабыня обретала свободу после смерти отца. Целью хозяина было обучение раба исламу и побуждение к обращению в него. Теоретически принятие ислама рабом должно было изменить содержание взаимоотношений с рабовладельцем-единоверцем. Если же раб отказывался менять веру, то мог потерять жизнь, лишался гарантий соблюдения своих прав по законам шариата и шанса получить свободу.

Активизация военных набегов степняков-казахов с целью захвата пленных в XVII в. мотивировалась наличием в этот период в Западной Сибири института рабства. Покупка рабов из сопредельных, независимых от России (Джунгарское ханство), или полузависимых от нее (княжества енисейских кыргызов) государственных образований являлось единственным полностью легальным источником рабства. Пленные и купленные рабы восточного происхождения (как из числа сибирских аборигенов, так и приобретенные из пограничных государств), законно закрепленные за своими хозяевами, находились в их наследственном владении, и в этом отношении приравнивались к полным холопам. По данным И.А. Мальцева во время первой ревизии (1718–1724 гг.) «холопы русского и аборигенного происхождения, численностью 3749 душ мужского пола, на владение которыми русские жители Сибири имели законные права, были положены в подушный оклад и, таким образом, уравниены с крепостными крестьянами европейской части страны» (Мальцев, 2007: 73).

Однако начало включения Младшего и Среднего жузов в сферу интересов Российской империи в 30-е гг. XVIII в. и последовавший рост торгово-экономического присутствия России в регионе привели к расширению масштабов захвата пленных казахами. Этому способствовала, прежде всего, политика государства, поддерживающая и поощряющая развитие работорговли на своей границе с казахской степью.

Так, в ноябре 1737 г. императрица Анна Иоанновна издала указ, согласно которому было узаконено право покупки у крещеных «калмыков и других наций» детей, с последующим их крещением и «удержания у себя без всякого платежа подушных денег, с одною записью в губернских и воеводских канцеляриях» (ПСЗРИ–1. Т.IX. № 7438: 351–352). Чуть позднее было подтверждено существовавшее в XVII в. право покупки рабов на границе с Джунгарией. Указом от 7 июля 1749 г. предусматривалось только одно ограничение владения рабами: запрещение сибирским жителям, воеводам и приказным людям, служащим в Сибири, вывозить купленных ими рабов в Европейскую Россию, чтобы обеспечить в Сибири «умножение народа». Подобный вывоз был разрешен лишь военным (ПСЗРИ–1. Т. XIII. № 9626: 75–76).

В середине XVIII в. последовала новая волна роста работорговли в приграничных с казахской степью Южным Зауральем и Южной Сибирью. Поводом послужили события, связанные с народным движением башкирского народа под руководством Батырши в 1755 г. Его участники, численностью

6000 человек, после поражения бежали от преследования российских властей в пределы Младшего жуза. Однако в Высочайшей грамоте от 5 сентября 1755 г. на имя хана Младшего жуза Нуралы объявлялось, что казахам жалуются жены, дети, скот и все имущество беглых башкир, за каждого пойманного и выданного правительству участника восстания была объявлена денежная компенсация (Крафт, 1900: 99).

В эти же годы – 1755–1756 гг. – последовал разгром Цинским Китаем Джунгарского ханства, чем незамедлительно воспользовались казахи-кочевники. Указ 9 января 1757 г. разрешил русским (дворянам, купцам, разночинцам, казакам и посадским людям) приобретать рабов путем меновой торговли с жителями вассальных от России Младшего и Среднего жузов. Сибирским мусульманам разрешалось приобретать рабов только своей веры. Этим указом было оформлено легальное рабство в Сибири и в Оренбургском крае (Головачев, 1889: 39–40; Шашков, 1869: 183–184). Сложившаяся ситуация сохранялась до начала XIX в., о чем свидетельствуют правительственные указы 1819 и 1825 гг. (ПСЗРИ–1. Т. 36. № 27782: 156; Т. 40. № 30528: 521). Отличие рабов от крепостных крестьян заключалось в том, что они не записывались владельцами в подушный оклад и не должны были поставлять рекрутов в армию. Дети рабов обязательно включались в подушные списки, имели право приписаться к городским сословиям или к государственным крестьянам. Таким образом, как отмечает Мальцев, легальное рабство второй половины XVIII – начала XIX в. не было наследственным (Мальцев, 2007: 74).

В первые годы XIX в. земельные изъятия у казахов в пользу Уральского, Сибирского казачьих войск и межродовые усобицы спровоцировали кризис кочевого хозяйства. В этих условиях широкое распространение получила продажа разорившимися скотоводами-казахами своих детей и младших родственников в Хивинское ханство и русским приграничным жителям. Это вызвало обеспокоенность российского правительства, поскольку в рамках действующего законодательства приобретать в рабство можно было представителей народов, не являющихся подданными Российской империи. На Оренбургском меновом дворе и в других местах Пограничной линии открылся особый вид торговли казахскими детьми. Масштабы этой торговли принимали угрожающие размеры и вынуждали российскую администрацию принять меры к ее ограничению, пресечению попыток вывоза казахских детей в пределы Хивинского ханства и обеспечения социальных гарантий проданным в рабство.

Дискуссия между центральными и региональными органами власти завершилась изданием Высочайшего указа от 23 мая 1808 г., в рамках которого хивинцам запрещалось покупать казахских детей и «дозволено приобретать их за деньги или посредством мены на товары всем русским подданным, но с тем, чтобы, по достижении 25-летнего возраста, они были совершенно свободны от всех обязательств по отношению к лицам, их купившим» (ПСЗРИ–1. Т. 30. № 23038). Затем они могли быть причислены к тем обществам, где имели жительство; в случае, если они принимали христианство, то общества обязывались предоставлять им всевозможную помощь. Наблюдение за покупкой детей было возложено на Оренбургскую пограничную комиссию (Добромьслов, 1901: 225–226).

В 1819 г. указ об освобождении по достижении 25-летнего возраста был распространен на вновь приобретаемых рабов всех национальностей, а в 1825 г. и окончательно в 1828 г. на всех невольников, приобретенных с 23 мая 1808 г., причем покупка новых рабов запрещалась. «Однако рабы, приобретенные дворянами до 23 мая 1808 г., продолжали оставаться в неволе пожизненно, а приобретенные недворянами – до смерти хозяина. Их количество было крайне незначительным. Большая часть рабов была освобождена либо сразу в результате указов 1825 и 1828 гг., либо по достижении 25-летнего возраста» (Мальцев, 2007: 75–76).

Поворотным пунктом в отношении российского правительства к рабству в центральноазиатском регионе стало принятие Устава о сибирских киргизах 1822 г. Согласно параграфу 276 «невольники, до 22 июля 1822 г. находящиеся у киргизов (казахов – *авт.*), остаются при их владетелях с правом продажи, передачи, наследственного владения, но с того времени строго запрещено вновь приобретать в неволю природных киргизов». Этот акт положил начало ликвидации рабства в Степном крае. По данным Ф. Зобнина к середине XIX в. в семи округах Области сибирских киргизов (казахов Среднего жуза – *авт.*) – Сергиопольском, Кокпектинском, Каркаралинском, Акмолинском, Атбасарском, Баян-Аульском, Кокчетавском – насчитывалось 204 раба и 193 рабыни (Зобнин, 1901: 96). Завершающим аккордом в истории патриархального рабства в казахской степи стало взятие генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфордом в 1859 г. подписки от султанов и почетных казахов с обязательством предоставить свободу всем рабам, находившимся у них. Поэтому в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. большинство путешественников и исследователей казахской степи отмечали тот факт, что «рабовладельчества у киргизов (казахов – *авт.*) нет и от прежних времен не сохранилось о том преданий» (Болотов, 1865: 183).

Следует отметить, что торговля соплеменниками практиковалась и у таджикских племен. Источники сообщают, что миры (титул правителя – *авт.*) Вахана всегда считали себя вассалами миров Бадахшана. В знак своей зависимости они «каждый год ездили на поклон к нему, не с пустыми руками, а непременно с подарками. Возили они чекмени ваханского производства, везли лошадей своих и бадакшанских, быков, людей, мужчин и женщин, мальчиков, девочек своих, а также и копушных из Читрала и Канджута». <...> Бывали случаи, что вдруг невзначай мир ваханский получал

письмо из Бадакшана с просьбой выслать людей, мужчин или женщин». Помимо передачи людей в качестве подарков, ваханские, читральский и бадакшанские купцы скупали людей для продажи, приблизительно, по следующим ценам: бача-мард (юноша, молодой человек) – 50 рублей; старики – 5 рублей; стоимость красивой девушки доходила до ста рублей. Главным скупщиком рабов был мир бадахшанский. Он платил за них лошадьми, ружьями, халатами и другими вещами. Необходимое число рабов оставлял себе, а остальных продавал в Коканд, Бухару и Яркенд (Бобринский, 1908).

Ограничительные тенденции государственной политики России в отношении торговли невольниками, а также активное строительство на границе с казахской степью со второй половины XVIII в. Уральской, Ишимской, Иртышской укрепленных линий и заселение их служилыми людьми и крестьянством, привели к тому, что казахи-кочевники стали брать в плен русских и продавать их в рабство на невольничьих рынках Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Руководитель Оренбургской пограничной комиссии и ориенталист первой половины XIX в. Г.Ф. Генс в своем научном наследии неоднократно одним из средств захвата пленных казахами в конце XVIII – первой половине XIX в. называл «набеги на пограничные селения наши» (Генс, 2001: 79). Важной причиной сдерживания развития российско-центральноазиатской торговли, по мнению большинства исследователей и путешественников региона первой половины XIX в., выступала «всегдашняя опасность в пути». Русские торговые караваны, следующие транзитом через казахскую степь в Хиву и Бухару, часто подвергались грабежу «с одной стороны, от черных, или называемых диких киргизцев (современные кыргызы – авт.), кои живут в горах поблизости от Ташкента, с другой, от киргиз-кайсаков (казахов – авт.) Средней орды...» (Унтер-шихтмейстеров Бурнашева..., 2013: 145).

Немаловажным источником пополнения рабства для казахов Младшего жуза служило «морское хищничество» на Каспийском море, наносившее «большой вред астраханским рыбопромышленникам» (Бюлер, 2011: 117). Начальник военной экспедиции 1832–1834 гг. Г.С. Карелин, целью которой являлось строительство на полуострове Мангышлак российского форта Ново-Александровского, в своем дневнике подчеркивал: «Успех их (казахов – авт.) никогда не может быть следствием верного расчета или превосходства в средствах, но просто счастливой случайности. Посему-то все действия их на море ограничиваются следующим: из-за камышей высматривают они суда, становящиеся на порядки, отнюдь сами не показываясь; долго сторожат, выжидая, не сделано ли будет какой-либо оплошности. – Когда же заметят, что люди разъедутся в дальние места к сетям, перепыются в праздник или лягут спать, не оставя караульного, то подплывают в тишине, в возможно большом числе к судну и, взошед на борт, закрывают люки. Завладев судном, легко управляют с людьми, и если надеются поблизости на легкую, верную добычу, то, перерядившись в платье полоненных музуров, приказывают лодману плыть к ближайшему рыболовному судну, причем снаравливают, чтобы подойти к оному в сумерки. Если же не надеются на возможность непрямого грабежа, то, сведя на берег людей, забрав имущество, клажу, паруса и такелаж, судно сажают на мель и потом сжигают». По сведениям Г.С. Карелина, только в 1830–1831 гг. казахи-пиратами было взято в плен более 200 человек (Карелин, 1883). По отдельным сведениям к морскому пиратству и захвату пленных были причастны и туркмены, подданные хивинского хана.

Малочисленность источников затрудняет возможность определения масштабов торговли русскими на невольничьих рынках Хивы и Бухары. В распоряжении исследователей имеются лишь отдельные сведения. Например, авторитетный востоковед и чиновник Оренбургской администрации И.И. Крафт сообщал, что в 1777 г. в Хивинском и Бухарском ханствах насчитывалось около 5000 русских: дворян, горожан, чиновников, крестьян. Были среди рабов немецкие колонисты и поляки (Крафт, 1900: 99). Посетивший в 1794–1795 гг. Ташкент во главе Первой российской дипломатической миссии Т.С. Бурнашев в путевых заметках писал, что «имел случай видеть до шести человек русских пленных, из них некоторые живут при дворе самого владельца (главы г. Ташкента – авт.) и должны принять магометанский закон». Однако большая часть попавших на рынки Ташкента русских пленных, по свидетельству Т.С. Бурнашева, «продаются более в Бухарию и по праву магометанского закона везде содержат их яко невольников» (Унтер-шихтмейстеров Бурнашева..., 2013: 145).

Эта ситуация, безусловно, была известна российскому правительству, поскольку в 1777 г. Сенат издал указ «Об ассигновании ежегодно из казны 6000 руб. на выкуп русских из плена в среднеазиатских владениях». Однако данная сумма могла быть использована на выкуп не более 30–40 чел., в то время как количество пленных неизменно возрастало с каждым годом. Очевидно, что со стороны России требовались более решительные меры в противодействии грабежам русских караванов, захвату русских промысловиков на Каспийском море и жителей приграничных регионов и, в целом, работоторговли русскими подданными.

Таковыми мерами стал ряд военных экспедиций России в пределы Хивинского ханства (военные экспедиции начальника Оренбургской пограничной комиссии В.А. Перовского в 1836 г., 1839 г.); учреждение постоянного крейсерства военных морских судов в южной части Каспийского моря, со стоянкой, по соглашению с Персией, в Астрабадском заливе; возведение в восточной части Зауральской степи небольших укреплений на р. Тургай и р. Ирғиз, строительство русских фортов на Мангышлаке и в устье Сыр-Дарьи на берегу Аральского моря. Кроме этого, были задействованы и

дипломатические средства, в частности отправка в Хиву в 1842 г. посольства Данилевского и Базинера ([Григорьев, 1874](#)).

Помимо русских невольников во второй половине XIX в. в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате большими партиями велась торговля пленными-персами (иранцами). Главными поставщиками рабов-персов являлись крайне воинственные туркмены-ахалтекинцы Мервского округа. В истории хорошо известен, например, поход на Мерв 20-тысячной персидской армии под руководством Хамза-Мирза-Эшмет-доуле в 1861 г., когда 3 тыс. текинцев взяли в плен почти всю армию, продав каждого солдата на рынках Хивы за три тумана (9 рублей).

Полковник Генерального штаба Н.И. Гродеков отмечал: «Все воспоминания жителей (Герата, Мешхеда и Астрабада – *авт.*) вертятся в круге туркменских набегов; они даже хронологию свою приурочивают к тому или другому набегу. Подобно тому, как в Западной Европе в средние века существовала молитва об избавлении людей от нашествия норманнов, так и теперь в Персии и в Гератской области существует молитва об избавлении народа от набегов туркмен. Правительства или бессильны помочь общественной беде, или не обращают внимания на нее, считая людей ни во что. Вся жизнь пройденных мною стран направлена только к тому, чтобы обезопасить себя от туркмен. Все города и селения обнесены высокими стенами, иногда кирпичными, с башнями; на всех полях построены башни, куда земледelec мог бы спрятаться в случае появления аламана: башни эти построены на всех полях без исключения, как бы близко они ни были расположены от селения, хотя бы у самой стены; даже в садах, непосредственно примыкающих к городской стене Мешхеда, стоят башни; доступны в отдаленные поля обеспечиваются башнями, от 50 до 100 шагов друг от друга; редко кто осмеливается пускаться в путь без оружия» ([Гродеков, 1883](#)).

Интересным представляется сюжет Н.И. Гродекова, описывающий приемы «охоты за добычей», использовавшиеся туркменами-ахалтекинцами. «Войдя в страну, где можно надеяться на поживу, текинцы иногда по несколько дней высматривают добычу, и когда уверены в успехе, с криком «ур» (бей), бросаются на нее с разных сторон. Если то был караван, то, быстро разрезав тюки, выбирают что поценнее; если то было стадо баранов, то передовым из него надрезают уши и стреляют на воздух, бараны летят стремглав; если то были люди, то скручивают им крепко руки назад, сажают на круп своих лошадей, ноги пленников связывают под животом коня; усевшись в седло, аламанчик закидывает веревку за спину своей добычи и концы ее крепко связывает у себя на груди». Как правило, старых, неспособных к работе и грудных детей в плен не брали, убивая их на месте; не брали в плен дервишей и ишанов, «как лиц, близко стоящих к богу; женщин охотно берут в плен и делают их наложницами; взрослых мужчин берут в плен, чтобы получить за них выкуп; малолетних обоего пола захватывают с тою целью, чтобы из девочек приготовить себе наложниц, а из мальчиков вечных рабов» ([Гродеков, 1883](#)).

Ценную информацию о масштабах работорговли персами (иранцами) российские власти смогли получить после известного похода русской армии на Хиву, ее завоевания и подписания российско-хивинского договора 1873 г. Одним из важных вопросов, который обсуждали представители России с хивинским ханом и членами Дивана (высший совещательный орган при хане – *авт.*) на мирных переговорах, являлся вопрос об освобождении рабов-персиян. Участнику хивинской экспедиции А.П. Хорошкину было поручено собрать данные о масштабах работорговли в ханстве. Исследователь провел опрос хивинцев, торгующих рабами-персиянами и более 1000 рабов, примкнувших к российским отрядам после покорения Хивы.

Рабы доставлялись в Хиву туркменами через Мерв, а йомудами и чаудорами – через Гюргень. Впрочем, как сообщает А.П. Хорошкин, хивинские торговцы рабами и сами приезжали в Мерв или кочевья туркменов, где и приобретали невольников. Главными рынками в Хивинском ханстве служили все большие базары в городах: Хиве, Куния-Ургенче, Кунграде, Чимбае, Ходжеили, Ханка и других, а на правом берегу Амударьи в Шура-хана и Ша-Аббас-Вали. Источники сообщают, что в один базар пригоняли по 200 и более рабов. Продажа при этом шла как в одиночку, так и партиями ([Хорошкин, 1876: 485](#)).

Цены на рабов варьировали в зависимости от спроса и от наплыва невольников из Туркмении, от возраста и пола, от физических качеств раба или рабыни. Крепкий, здоровый мужчина, без физических недостатков, не шел дороже 100 тиллей (около 180 руб.); молодая женщина или девушка не продавалась дороже 300 тиллей (540 руб.). По такой же дорогой цене продавались мальчики до 15 лет. Среди опрошенных А.П. Хорошкиным были рабы, которые находились в неволе по 50 лет. Однако рабы могли получить свободу или в награду за долговременную и верную службу, или за выкуп (от 50 до 300 тиллей). Освободившиеся рабы назывались азат, а рабы, освобожденные ханом, – ханазат. Большею частью освобожденные рабы нанимались на полевые работы, к частным лицам; почти все они были очень бедны. Возвращение рабов на родину всегда было затруднительно, потому что выкуп был дорог, а пытавшиеся бежать рисковали попасть снова в руки к туркменам, что случалось неоднократно ([Хорошкин, 1876: 486](#)). В целом, по данным А.П. Хорошкина, число невольников обоего пола, в 140 городах и деревнях Хивинского ханства на 1873 г. составляло около 36806 человек. Из них собственно рабов – 29291; освобожденных рабов (азат и ханазат) – 6515 человек.

В 1860-х гг. в Бухарском ханстве цена на рабов в среднем составляла: на 10–15-летних мальчиков – 35 золотых (175 руб.), 16–25-летних – 45–50 золотых (225–250 руб.), 26–40-летних – 80 золотых (400 руб.). 10–15-летняя рабыня стоила 70 золотых (350 руб.), 16–25-летняя – 50–60 золотых (250–300 руб.), 26–40-летняя – 40 золотых (200 руб.) (Вамбери, 1863: 62). Таким образом, цена за раба зависела от возраста, так как учитывалась его сила возможность использования на тяжелых работах, а цена рабынь с возрастом падала. Следует отметить, что цены на невольничьих рынках в центральноазиатских владениях – Хиве и Бухаре – были сопоставимы с ценами на аналогичный «товар» на Кавказе – во внутренних районах Черкесии и Абхазии, где в среднем стоимость одного раба составляла 250–300 руб. и определялась его возрастом, «восприимчивостью к болезням» и т.д. (Cherkasov et al., 2017).

Общую численность рабов в Бухарском эмирате установить проблематично из-за отсутствия статистических данных. Во всяком случае, количество их было довольно внушительным. Например, когда русские войска заняли в 1868 г. Самарканд, в городе насчитывалось около 10 тыс. рабов (История народов..., 1947: 150). По сведениям М.А. Терентьева, всего в Бухарском ханстве на момент установления российского проектората в 1868 г. было до 30 тыс. рабов и 6,5 тыс. человек ранее освобожденных (Терентьев, 1906: 264).

Сфера применения рабского труда была разнообразной. В Бухаре в первой половине XIX в. состоятельные бухарцы имели до 40 рабов, крупные чиновники – около 100 рабов. Они, как правило, использовались в сельском хозяйстве, обрабатывая обширные сады и поля своих владельцев. Жители Хивы по свидетельству очевидцев также «никогда не брались за тяжелую, земляную, полевою или садовую работу: это всегда дело раба. Если бы не было у них русских да персиян, а иногда и калмыков, то не знаю, что бы вышло из садов и пашень их, ...словом, хивинцы живут вовсе на счет невольников своих, которых таскают трухменцы (туркмены – авт.) и киргизы (казахи – авт.)» (Мейендорф, 1975: 124). Участь данной категории рабов в Бухаре и Хиве была самой плачевной. Их плохо кормили, избивали и подвергали издевательствам и пыткам. По свидетельствам большинства путешественников первой половины XIX в., большая часть русских невольников, находившихся в окрестностях Бухары, содержалась в заключении и работала с кандалами на ногах. Их насильственно принуждали обращаться в ислам (Мейендорф, 1975: 124).

Самые высокие цены были на рабов-мужчин русского происхождения. Их в основном покупали бухарский эмир или хивинский хан для зачисления в армию или для своей охраны. Русским воинам доверяли, поскольку русские считались народом «честным и твердым, всякому мастерству наученным», «в смуты и заговоры не входящим, ересей не заводящим». Русские воины составляли до 20 % от общего числа военнослужащих центрально-азиатских стран в кавалерии, и свыше 50 % – в артиллерии (Даль, 1838). Особенно ценились русские артиллеристы. Такие люди жили в почете и получали за службу жалование, награждались движимым и недвижимым имуществом, женами, могли обрести свободу. Если у правителя не было средств для покупки рабов в армию, он издавал указ, по которому раб мог убежать от хозяина, и, явившись во дворец, стать солдатом, то есть служилым рабом, принадлежащим государству – ханазатом (Муравьев, 1822).

Но особенно масштабным был торг женщинами. Рабынь предпочитали молодых и красивых, так как в ряде случаев их использовали в качестве служанок и для воспитания детей. Отдельные люди покупали красивых рабынь для любовных утех и даже превращали их в законных жен. Как свидетельствовал М.П. Стремоухов, русских женщин из России «бухарцы увозят посредством обмана и всевозможных хитростей и продают секретно в Бухаре, и это совершают так ловко, что положительно нет никакой возможности уследить за ними». Бухарский эмиры покровительствовал торговле рабынями, поскольку исламский обычай позволял иметь несколько жен. Это создавало определенный гендерный дисбаланс, выразившийся в нехватке женщин в центрально-азиатском регионе. Торговля женщинами-рабынями, в некоторой степени компенсировала его. Для покупки и продажи рабов и рабынь эмир Музаффар содержал особых тайных агентов, которым платил значительное содержание (Стремоухов, 1875: 69).

24 сентября 1873 г. между Россией и Бухарой был заключен Шахриябзский договор, в 17-й статье которого говорилось: «В угоду государю императору всероссийскому эмир Сейид Музаффар постановил: отныне в пределах бухарских прекращается на вечные времена постыдный торг людьми, противный законам человеколюбия...», а рабство объявлялось запрещенным. Нарушители этого указа подвергались наказанию, штрафу в тысячу тенге и шестимесячному заключению в тюрьме. Несколько раньше этого (12 августа 1873 г.) между Россией и Хивой был заключен мирный договор, согласно которому и в этом ханстве рабство и работорговля запрещались.

Однако, не смотря на официальный запрет, торговля невольниками и в Бухарском эмирате, и в Хивинском ханстве продолжалась до середины 80-х гг. XIX в. Освобожденные русские были возвращены на родину, однако источников, описывающих данный процесс выявить не удалось. Отпущенные на волю рабы-персы, предпочитали оставаться в Бухаре и Хиве. Несмотря на религиозные притеснения и возможность только тайно совершать обряды шиитской веры, они охотно занимались торговлей или ремеслами, поскольку жить и зарабатывать здесь было легче, чем на родине. В армии эмира Музаффар ад-Дина в 1880-х гг. комендантами крупнейших гарнизонов были Шахурх-хан и Мухаммед Хасан-хан, а топчубаши (начальниками артиллерии) – Бейнель-бек, Мехди-

бек и Лешкер-бек; все пятеро – персы. Со временем иранцы, намного превосходящие по уровню образования коренное население центрально-азиатского региона, смогли дослужиться до высоких чиновничьих должностей при дворе бухарского эмира и составить влиятельную политическую силу пророссийской направленности, противостоящую традиционному мусульманско-суннитскому духовенству.

5. Заключение

Причиной возникновения в традиционном восточном обществе рабства стали объективные процессы его развития, связанные с особенностями сосуществования и взаимодействия оседлоземледельческих и кочевых цивилизаций. Регулярные контакты между ними принимали разнообразные формы, в том числе, в виде вооруженных столкновений и взаимных набегов. Захват пленных стал основой формирования социальной категории рабов, труд которых использовался в домашнем хозяйстве, а социальный статус регулировался нормами обычного права и шариата.

На протяжении XVIII в. захват пленных приобрел новые социальные мотивы и превратился в стабильный источник доходов, связанный с возможностью их продажи. Активно в регионе работорговлей занимались кочевые племена – казахи, кыргызы и туркмены. Рынки сбыта находились во владениях Российской империи – Западной Сибири, где в рассматриваемый период на законодательном уровне было закреплено рабовладение. Второй крупнейший регион, имевший устойчивый спрос на рабов – Хивинской ханство и Бухарский эмират.

В начале XIX в. позиция Российской империи в вопросе рабства и работорговли в Сибири претерпела существенную трансформацию и приняла ограничительные и запретительные мотивы. Однако объемы продажи в рабство неизменно росли, что было связано с массовым угоном в плен и похищением русских на границе российских владений с казахской степью, а также нападениями на торговые караваны, следующие транзитом через казахскую степь и пиратством на Каспийском море. Предпринятый Россией в 40–60 гг. XIX в. ряд мер дипломатической и военно-стратегической направленности в центрально-азиатских владениях и поэтапное закрепление ее позиций в данном регионе способствовали ограничению и со временем прекращению похищений российских подданных.

Тем не менее, вплоть до 1870-х гг. спрос на рабов продолжали сохранять Хива и Бухара, а главными поставщиками «товара» оставались туркменские племена, угонявшие в рабство, как правило, персов (иранцев). Причиной востребованности рабов в центрально-азиатских владениях выступал ряд факторов цивилизационного характера: слабость и не высокая боеспособность армий хивинского и бухарского правителей, чем объяснялся спрос на русских – офицеров и солдат армии; гендерный дисбаланс, порожденный особенностями развития института семьи и связанного с ним многоженства, узаконенного исламом. Отсюда – востребованность на рабынь-женщин для пополнения гаремов и собственно создания семьи. Экстенсивные формы ведения земледельческого хозяйства также порождали спрос на невольничий труд.

В 1870-е гг. в результате установления российского протектората над центрально-азиатскими владениями – Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, рабство и работорговля были прекращены.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/4.6).

Литература

- Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. Алма-Ата, 1947. 230 с.
 Бобринский, 1908 – Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А.А. Бобринского. М., 1908. URL: <http://rus-turk.livejournal.com/tag>
 Болотов, 1865 – Болотов С. С Сыр-Дарьи // Русский вестник. 1865. Т. 62. С. 183.
 Бюлер, 2011 – Бюлер Ф.А. Киргиз-кайсаки. Перечень событий в орде со времени ее образования // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Алматы, 2011. Вып. 1. С. 98–141.
 Вамбери, 1965 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1965. С. 204.
 Генс, 2011 – Генс Г.Ф. Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Алматы, 2011. Вып. 1. С. 75–96.
 Головачев, 1889 – Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии. М., 1889. 130 с.
 Григорьев, 1874 – Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. Том I. 1874. URL: <http://rusturk.livejournal.com/?skip=20&tag>

Гродеков, 1883 – Гродеков Н.И. Поездка генерального штаба полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. СПб., 1883. URL: <http://rusturk.livejournal.com/219850.html>

Даль, 1838 – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Альманах на 1838 г. СПб., 1838. URL: <http://rusturk.livejournal.com/198891.html>

Добромыслов, 1901 – Добромыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. 1901. Вып. № 16. Часть 1. С. 109–272.

Зобнин, 1901 – Зобнин Ф. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи // Памятная книжка Семипалатинской области. Вып. VI. Семипалатинск, 1901. С. 96.

История народов..., 1947 – История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2. 517 с.

Карелин, 1883 – Карелин Г.С. Журнал экспедиции 1832 года. Приложение 3. О разбоях на Каспийском море // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Том X. 1883. URL: <http://rus-turk.livejournal.com/tag>

Крафт, 1900 – Крафт И. Уничтожение рабства в Киргизской степи // Из Киргизской старины. Оренбург. 1900. С. 94–107.

Мальцев, 2007 – Мальцев И.А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университет. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 71–76.

Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 182 с.

Муравьев, 1822 – Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18001820/Muraviev/text5.Htm>

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.

Терентьев, 1906 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 2. 547 с.

Стремоухов, 1875 – Стремоухов Н.П. Поездка в Бухару. (Извлечение из дневника) // Русский вестник. 1875. № 6. С. 57–74.

Унтер-шихтмейстеров Бурнашева..., 2013 – Унтер-шихтмейстеров Бурнашева и Поспелова описание киргиз-кайсацкой земли // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Караганда, 2013. Вып. 3. С. 120–150.

Хорошкин, 1876 – Хорошкин А.П. Рабы-персияне в Хивинском ханстве // Хорошкин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 483–487.

Шашков, 1869 – Шашков С. Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 1. С. 183–184;

Юридические обычаи..., 1876 – Юридические обычаи киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1876. Т. IV. 579 с.

Ivantsov et al., 2017 – *Ivantsov V.G. et al.* The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, Is.3, pp.871–877.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A. A. et al.* The list of captives from the Turkish vessel Belifte as a source of information on the slave trade in the North-Western Caucasus in the early 19th century // *Analles. Ser. hist. sociol.* 2017. 27. 4. pp. 851–864.

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel M., Cherkasov A. A.* The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42, Is.4, pp. 1182–1197.

References

Bekmahanov, 1947 – *Bekmahanov E.B.* (1947). Kazakhstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in 20–40 years of the XIX century]. p. 230. [in Russian]

Bobrinskiy, 1908 – *Bobrinskiy A.A.* (1908). Gortsyi verhovev Pyandzha (vahantsyi i ishkashimtsyi). Ocherki byita po putevyim zametkam gr. A.A. Bobrinskogo. [The mountaineers of upper Panj (vacancy and ishkashimtsy). Sketches of life in the travel notes gr. A.A. Bobrinsky]. Moscow, 1908. [in Russian]

Bolotov, 1865 – *Bolotov S.* (1865). *S Syir-Dari*. [From Syir-Dari]. *Russkiy vestnik*. T. 62. p. 183. [in Russian]

Byuler, 2011 – *Byuler F.A.* (2011). Kirgiz-kaysaki. Perechen sobyitiy v orde so vremeni ee obrazovaniya. [Kirghiz kaysaki. A list of events in the Horde since its formation]. *Istoriya Kazahstana v dokumentah i materialah: Almanah*. Almatyi. Vip. 1. p. 98–141. [in Russian]

Vamberi, 1965 – *Vamberi A.* (1965). Puteshestvie po Sredney Azii. [Journey through Central Asia]. Saint-Petersburg. p. 204. [in Russian]

Gens, 2011 – *Gens G.F.* (2011). Iz kratkogo istoricheskogo obozreniya upravleniya orenburgskimi kirgizami. 1844 g. [From a brief historical review of management of the Orenburg Kyrgyz. 1844]. *Istoriya Kazahstana v dokumentah i materialah: Almanah*. Almatyi. Vip. 1. p. 75–96. [in Russian]

Golovachev, 1889 – *Golovachev P.* (1889). Sibir v Ekaterininskoy komissii. [Siberia in Catherine fee]. Moscow. p. 130. [in Russian]

Grigorev, 1874 – *Grigorev V.V.* (1874). Russkaya politika v otnoshenii k Sredney Azii. Istoricheskiy ocherk. [Russian policy towards Central Asia. Historical sketch]. *Sbornik gosudarstvennykh znaniy*. Tom I. [in Russian]

Grodekov, 1883 – *Grodekov N.I.* (1883). Poezdka generalnogo shtaba polkovnika Grodekova iz Samarkanda cherez Gerat v Afganistan (v 1878 godu). [The trip of the General staff Colonel Grodekov from Samarkand via Herat to Afghanistan (1878)] / Poezdka generalnogo shtaba polkovnika Grodekova iz Samarkanda cherez Gerat v Afganistan (v 1878 godu). Vip. V. Saint-Petersburg, 1883. [in Russian]

Dal, 1838 – *Dal V.I.* (1838). Rasskaz nevolnika, hivinskogo urozhentsa Andrey Nikitina. 1830. [The story of the slave, the native of Khiva Andrei Nikitin. 1830]. / Almanah 1838 god. Saint-Petersburg. [in Russian]

Dobromyislov, 1901 – *Dobromyislov A.I.* (1901). Turgayskaya oblast. Istoricheskiy ocherk. [Turgay oblast. Historical sketch]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva*. Vip. №16. Part. 1. p. 109–272. [in Russian]

Zobnin, 1901 – *Zobnin F.* (1901). K voprosu o nevolnikah, rabah i tyulengutah v Kirgizskoy stepi. [To the question about slaves, slaves and tolength in the Kirghiz steppes]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti*. Vip. VI. Semipalatinsk. p. 96. [in Russian]

Istoriya narodov..., 1947 – *Istoriya narodov Uzbekistana*. [The history of the peoples of Uzbekistan]. Tashkent. 1947. T. 2. p. 517. [in Russian]

Karelin, 1883 – *Karelin G.S.* (1883). Zhurnal ekspeditsii 1832 goda. Prilozhenie 3. O razboyah na Kaspiyskom more. [Journal of the expedition of 1832. Appendix 3. Of robbery in the Caspian sea]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva po obschey geografii*. Tom X. [in Russian]

Kraft, 1900 – *Kraft I.* (1900). Unichtozhenie rabstva v Kirgizskoy stepi. [The destruction of slavery in the Kirghiz steppes]. *Ih Kirgizskoy starinyi*. Orenburg. p. 94–107. [in Russian]

Maltsev, 2007 – *Maltsev I.A.* (2007). Legalnoe rabstvo v Sibiri i Orenburgskom krae v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Legal slavery in Siberia and the Orenburg region in XVIII – first half XIX century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universitet. Series. 2*. Vip. 3. p. 71–76. [in Russian]

Meyendorf, 1975 – *Meyendorf E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Buharu. [A journey from Orenburg to Bukhara]. Moscow. p. 182. [in Russian]

Muravev, 1882 – *Muravev N.N.* (1882). Puteshestvie v Turkmeniyu i Hivu v 1819 i 1820 godah gvardeyskogo generalnogo shtaba kapitana Nikolaya Muraveva, poslannogo v sii stranyi dlya peregovorov. [Journey to Turkmenia and Khiva in 1819 and 1820 guards General staff captain Nikolay Muravyov sent to these countries for negotiations]. Moscow. 1822. URL:[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18001820/Muraviev/text 5. Htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18001820/Muraviev/text%205.htm) [in Russian]

ПСЗРИ–1 – PSZRI. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1.

Terentev, 1906 – *Terentev M.A.* (1906). Istoriya zavoevaniya Sredney Azii. [The history of the conquest of Central Asia]. Saint-Petersburg. T. 2. p. 547. [in Russian]

Stremouhov, 1875 – *Stremouhov N.P.* (1875). Poezdka v Buharu. (Izvlachenie iz dnevnika). [Trip to Bukhara. (Extract from diary)]. *Russkiy vestnik*. № 6. p. 57–74. [in Russian]

Unter-shihtmeysterov Burnasheva..., 2013 – *Unter-shihtmeysterov Burnasheva i Pospelova* opisanie kirgiz-kaysatskoy zemli. [Unter-shihtmeysterov Burnasheva and Pospelova description of Kirghiz-kaisak earth]. *Istoriya Kazahstana v dokumentah i materialah: Almanah*. Karaganda, 2013. Vip. 3. pp. 120–150. [in Russian]

Horoshkin, 1876 – *Horoshkin A.P.* (1876). Rabyi-persiyane v Hivinskom hanstve. [Slaves of the Persians in the Khiva khanate]. / Horoshkin A. P. *Sbornik statey, kasayuschihsy do Turkestanskogo kraya*. Saint-Petersburg. p. 483–487. [in Russian]

Shashkov, 1869 – *Shashkov S.* (1869). Rabstvo v Sibiri. [Slavery in Siberia]. *Delo*. № 1. p. 183–184. [in Russian]

Yuridicheskie obyichai..., 1876 – *Yuridicheskie obyichai kirgiz*. [Legal customs of the Kirghiz]. // *Materialyi dlya statistiki Turkestanskogo kraya*. Saint-Petersburg, 1876. T. IV. p. 579. [in Russian]

Ivantsov et al., 2017 – *Ivantsov V.G. et al.* (2017). The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861). *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 871–877.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A. et al.* (2017). The list of captives from the turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western Caucasus in the early 19th century. *Annales. Ser. hist. sociol.* 27. 4. pp. 851–864.

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel M., Cherkasov A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. Vol. 42. Is. 4. pp. 1182–1197.

Работорговля и рабство в центрально-азиатских окраинах Российской империи (XVIII–XIX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе законодательных и мемуарных источников анализируется развитие работорговли и рабства как социального института в центрально-азиатских окраинах Российской империи. Удалось выяснить, что причиной возникновения рабства в регионе стали объективные процессы взаимодействия оседлоземледельческих и кочевых племен. Регулярные контакты между ними принимали разнообразные формы, в том числе, вооруженных столкновений и взаимных набегов. Захват пленных стал основой формирования социальной категории рабов. В XVIII в. захват пленных приобрел новые социальные мотивы и превратился в стабильный источник доходов, связанный с возможностью их продажи. Два устойчивых рынках сбыта рабов – Западная Сибирь, Хивинское ханство и Бухарский эмират – стимулировали данный процесс. В начале XIX в. позиция России в вопросе рабства приняла запретительные мотивы. Однако объемы продажи невольников неизменно росли за счет увеличения масштабов торговли русскими пленными. Предпринятый Россией в 40–60 гг. XIX в. ряд дипломатических и военно-стратегических мер в центральноазиатских владениях способствовал прекращению похищений российских подданных. Тем не менее вплоть до 70-х гг. XIX в. спрос на рабов продолжал сохраняться в Хиве и Бухаре, а главными поставщиками «товара» оставались туркменские племена, угонявшие в рабство персов (иранцев). Установление российского протектората над центральноазиатскими владениями – Хивинским ханством и Бухарским эмиратом – привели к окончательному искоренению данного социального зла.

Ключевые слова: рабство, работорговля, невольник, Российская империя, Бухарский эмират, Хивинское ханство, казахи, туркмены.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)